Это была простая пирушка. Небольшая встреча в почти комически огромном зале Ралакоса. Но тут было вино, и музыка, и друзья, а это все, что мне было нужно. Ралакос подыскал местного барда, который пел бодрые баллады и легко подыгрывал, а длинные затупившиеся ногти его правой руки служили ему точными плектрами.

Первыми прибыли Кильвиус и Неттари, Кильвиус в церемониальной мантии — самом нарядном, что я когда-либо видел, а Неттари в скромном белом платье. Она прислонилась к нему и смеялась, пока Казикас рассказывал им утрированные истории о неудачных экспериментах.

Ралакос, всегда радушный хозяин, кружил по комнате, следя за тем, чтобы у всех было достаточно выпивки. Уголком глаза я заметил, что Эрдос наблюдает за нами с озадаченным выражением лица.

Один из дворецких Ралакоса присматривал за Агарином, слегка нервничая из-за слишком активного ребенка.

Джорра гонялся за одним из племянников Ралакоса вокруг мебели, чуть не споткнувшись о незнакомый модный наряд.

Неттари фыркнула, когда Кильвиус что-то шепнул ей на ухо, а затем смущенно прижала руку к лицу.

Я пил, возможно, больше, чем было разумно, но меньше, чем требовалось.

Я потрепал Джорру по затылку, когда он проходил мимо, и пристроился рядом с Неттари и Кильвиусом.

— Хорошо проводите время?

— Да, спасибо. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы все выбирались из дома. — В монотонном голосе Неттари слышалась легкая пьяная нотка.

Кильвиус ласково потрепал жену по плечу. — Слишком много работаешь.

— Я всегда работаю не покладая рук.

— Моя точка зрения остается в силе.

Как всегда, когда речь заходила о еде, Ралакос выходил за рамки. Здесь была сырая рыба, поданная на угревой бумаге, различные острые деликатесы и целая карусель десертов. Джорра постоянно ковырялся в еде, пока Неттари не отогнала его.

Когда все поели, я встал.

— Бард! — Я хлопнул в ладоши. Инфернал спустился с подиума и подошел ко мне.

— Да, милорд?

Я улыбнулся ему и поднял свой бокал. — Мне нужен аккомпанемент.

— Есть ли аккорды, которые вы предпочитаете? — спросил он.

— Что-нибудь бодрое.

Бард начал играть. Я встал на стул, чтобы придать себе больше роста, и осмотрел комнату.

— Знаете, Майя мне кое-что сказала. — Я наклонил свой бокал в сторону Кильвиуса и Неттари. — Предупреждение, серьезное. Она сказала, что у меня не будет друзей в Анклаве. И я рад сообщить, что хотя она почти всегда права, в этом случае она ошиблась. Их не так много, но они настолько ценны, насколько их мало. И я рад, что каждый из них находится сегодня со мной в этой комнате.

Бард тут же уловил тон моего голоса и перешел на что-то мягкое и плавное.

— Казикас! — Я поднял за него свой бокал. — Я знаю, что недавняя сделка наложила отпечаток на ваши ожидания, — я сделал паузу, когда мужчина рассмеялся, — но я, должно быть, самый плохой работник, когда-либо работавший в вашем магазине. Спасибо за бесконечное терпение и мой неиссякаемый счет.

Раздались аплодисменты и смех.

— Джорра. — Я повернулся к нему, и он усмехнулся. — Мы вляпались в большее дерьмо, чем я могу перечислить на пальцах одной руки. Как мой партнер по тренировкам и партнер по преступлениям, я с нетерпением жду, когда мы увидим, какой очередной сущий ад мы сможем устроить. Святилище совсем на носу.

Джорра стукнул одной рукой по столу. Я надеялся, что он не обидится на меня, если я нарушу обещание.

— Ралакос. Вы прикрывали меня с самого первого дня. Даже в моём тяжелом положении. Спасибо, что кормили меня… — я махнул рукой в сторону раскинувшихся блюд, — учили меня и всегда заботились обо мне.

Наконец я повернулся к Неттари и Кильвиусу. Кильвиус улыбался, но выражение лица Неттари сникло. Она спокойно изучала меня.

— Кильвиус, Неттари. Вы привели меня в свой дом. Еще до того, как вы заговорили со мной, несмотря на все обязанности, вы защищали и боролись за меня. Вы, разумеется, поверили своей дочери на слово, но я никогда не забуду этого долга. Спасибо, что приняли меня в свою семью.

— Всем вам. Пусть мороз всегда утихает при вашем пробуждении. — Я протянул свой бокал перед собой и осушил его.

Я вышел на улицу, чтобы проветрить голову. Скрежет гравия выдавал тихие шаги. Я подпрыгнул и обернулся, чтобы увидеть Неттари, идущую в мою сторону. Она продолжала пить всю ночь и была слегка навеселе.

— Привет, — сказал я.

— Привет, Кэрн, — она опустилась на ступеньку рядом со мной. — Итак, что случилось? — Ее голос был монотонным, как всегда. — Решил попрощаться перед отъездом?

Я вздрогнул. В этом заявлении прозвучало обвинение, хотя и не злобное. — Я не понимаю, о чем речь.

Неттари закатила глаза. — Я шла вчера домой, и вдруг вижу, что мой бледно-розовый ребенок несется, как летучая мышь из ада, к входным вратам.

Я нахмурился. — Ясно, «бледный» — это немного грубовато.

— Мне жаль. Вот почему я не пью. — Неттари нарисовала круги на колене. — Но ты прощался. Я услышала это, даже если никто больше не услышал.

— Да. — Не было смысла отрицать это. Неттари снова и снова доказывала, что может читать меня, как книгу.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Надеюсь, в никуда. Это было не «прощай», а «до свидания». Думаю, я был деликатен, — проворчал я.

— Куда ты идешь? — повторила Неттари. Она была напористой, когда была пьяна.

— Я собираюсь поговорить об этом утром.

— Ну, мы здесь. Поговори со мной об этом сейчас.

— Хорошо! Эльфион. — Я потер лоб. — Мне нужна твоя помощь.

Неттари осознала сказанное и, казалось, протрезвела.

— Говори.

Лодка плыла по туннелю, вода билась о борта. По сравнению с группой, с которой я плыл в первый раз, эта была крошечной. Нас было четверо. Терос поддерживал свет, а Уриш проталкивала лодку через всё более узкие проходы.

Неттари сидела, прижавшись ко мне. Она была в ярости. Все ее тело дрожало, она дрожала от холода, хотя гнев исходил от нее горячими волнами. Я пытался объяснить ей, пытался вразумить ее, но в конце концов она назвала меня дураком.

Тем не менее она настояла на том, чтобы пойти со мной, хотя бы для того, чтобы всё не стало еще хуже, чем было.

Пот образовал кольцо на моей шее, пропитав одежду. Каждый мускул в теле болел, каждая клеточка кожи дрожала от страха.

Через некоторое время освещающее заклинание Тероса погасло.

И в мгновенной темноте я увидел образ.

Пламя во тьме.

Нож у моего лица.

Коготь, вонзающийся под мою коленную чашечку.

Хныканье вырвалось из моих губ, и я прижал руку ко рту. Я сам выбрал это. Знал, что это должно произойти сейчас.

Знал, что не было времени для нанесения надписи.

Я выбрал это.

Так почему же это было так трудно?

Что-то схватило меня за руку, и я начал двигаться. Неттари отказывалась смотреть на меня, но ее рука была обхвачена моей. Ее губы были прижаты друг к другу, плотно и незаметно.

Я шел по Сумеречным Пещерам один, потрескивающие факелы освещали наполненные мраком подземелья. Впереди виднелся свет. Только факелы были не оранжевыми, а красными.

Это было здесь.

Слева от меня пронеслась тень — размытые очертания мелкого демона. Он ухватился за мои пятки, я отмахнулся от него. К нему присоединился еще один, и еще. Сердце заколотилось в груди. Они окружили меня, загоняли меня.

Красное свечение становилось все ярче. Что-то выхватило у меня из рук факел. Я увидел дюжину воинов Эфиры в нарядных зеленых доспехах, стоявших у входа в туннель. Они достали оружие, и на мгновение показалось, что меня остановят, но они решили не делать этого, как только мой демонический эскорт появился в поле зрения.

Было невыносимо жарко. Вся передняя часть моей мантии промокла.

Я вышел из прохода и увидел их. Красные факелы украшали стены. Множество демонов, вихрящихся и черных. Озра сидел на каменном троне, который можно назвать каменным, его массивные рукавицы лежали на подлокотниках. Его взгляд переместился на меня, и огромное давление опустилось на мою голову, на мои плечи. Черная аура вокруг него усилилась.

— Кто вторгся в это место? — Голос Озры был наполнен холодным гулом. Кожа вокруг его груди, казалось, блестела красным на свету.

Эфира обернулась. Она уставилась на меня с видимым недоверием. Затем ее лицо ожесточилось. — Ну что ж. Это он. И он только что сэкономил ваше время. Схватите его.

Два больших демона схватили меня за руки и начали тащить прочь.

— Подождите! — крикнул я.

Озра поднял когтистую руку, и демоны остановились.

— Эфира, пожалуйста!

— Что? — огрызнулась Эфира, раздраженная моментом. — Так ты можешь выкачивать из меня информацию? Уже слишком поздно. Твои видения уже ничего не значат.

Я сжал руки в кулаки, затем разжал их. — Дело не в видениях. Дело во всех нас.

Ее мантия взметнулась позади нее гневным потоком, пока она спускалась. Дуга молнии прошла по моим поднятым рукам в грудь.

Я вскрикнул и упал на землю.

Она нависла надо мной, глядя вниз.

— За что? — прохрипел я.

Нет ответа

— Сука, скажи мне, за что! — закричал я на нее.

Медленно, она наклонилась. — Как ты сможешь понять? Нет возможности для переговоров. Нет никакой общей позиции. Нет компромисса, который мог бы обеспечить наше равенство.

— Пожалуйста, — сказал я, отчаяние закралось в мой голос. — Тебе это ничего не стоит. Неважно, что я узнаю. Из-за него. — Я указал на Озру, сидевшего совершенно неподвижно. — Неважно, кому я расскажу или как сильно постараюсь. Это не имеет значения. Ты всегда побеждаешь.

— И какое это имеет значение?

— Я пришел к вам с добрыми намерениями! — прорычал я. — Пришел к тебе, чтобы заложить фундамент для будущего. Если ты собираешься отправить меня в потусторонний мир, то хотя бы имей приличие сказать мне, за что!

Эфира ударила меня по лицу, я упал на землю. Во рту появился привкус железа. Демоны вокруг гоготали.

— Фундамент уже был заложен здесь, — сказала Эфира. Ее голос был тихим и обиженным. — Он был здесь задолго до того, как ваш вид прибыл сюда со своими кораблями, ошейниками и тиранией. И он будет здесь еще долго после того, как вы превратитесь в ничто.

— И это все? — Я с трудом поднялся на ноги. — Мы обречены повторять историю и никогда ее не учиться на ошибках прошлого? Отвечать насилием на насилие, пока не останется никого, с кем можно бороться? — Мой голос сорвался.

— Не говори мне о насилии.

— Я хочу, чтобы это закончилось!

— Да, совсем как твой отец. — Эфира закатила глаза. — Насилие прекращается, когда за всё воздается по заслугам. Вот что такое милосердие.

— А ты судишь по своему драконьему скопищу богатств. — Гневно огрызнулся я. На этот раз я предвидел удар и отвернул голову.

Эфира задрожала от ярости. — Я пожертвовала анклаву больше, чем ты можешь себе представить. Как ты смеешь осуждать меня? С первого момента, как ты увидел меня, ты возомнил, что сможешь манипулировать мной, пообещав богатство. Это свойственно вашему виду. Нащупываете слабое место, манипулируете, опустошаете, пока ничего не останется.

— Зачем истреблять собственный народ? — Смятение в моем голосе было настолько реальным, насколько это вообще возможно.

— Потому что такова цена освобождения, — прорычала Эфира. — Я пыталась сделать все как положено в течение многих лет. Пыталась показать, что люди не отпустят нас, пока не высосут всё, что делает нас уникальными, но они рады платить подати, даже когда сапог давит на горло.

— Итак, ты провоцируешь войну, — медленно сказал я. — Истребляешь собственный народ. А потом открываешь врата измерений и указываешь пальцем на моего отца, который тут же развеет тебя в прах.

Ее удивление сменилось мрачной решимостью. — Я была права, приняв столько мер предосторожности.

— Конечно, ты понимаешь, как это глупо. Как расточительно. Это твой народ, Эфира!

— Я потрачу остаток своей жизни на то, чтобы искупить вину, и даже больше, — тихо сказала она. — Я никогда не покину Аид. Никогда не буду жить другой жизнью. Но если я должна замарать себя, чтобы освободить мой народ от человеческой жадности, я с радостью принесу эту жертву.

— Ты… — Безумна. Я остановил себя прежде, чем слово успело вырваться. Это было слово, которое я часто использовал, чтобы описать кого-то другого. Только я понял, что она не была безумной. Просто жестокой и расчетливой.

Я начал снова. — То, как ты говоришь. Настаиваешь на том, что насилие — единственный выход. Это точно такое же обоснование, которое использует мой отец, чтобы оправдать любое зверство.

Эфира напряглась.

— Мы можем исправить это вместе, — настаивал я. — Позволь мне открыть пространственные врата. После того как меня коронуют, я предоставлю Анклаву свободу. Мы сможем сосуществовать. Сможем процветать.

Выражение лица Эфиры наконец-то оттаяло, и она больше не выглядела как безумная сумасшедшая женщина. Вместо этого она выглядела усталой. Измученной.

— Возможно, ты сможешь противостоять своей низменной природе. Но я беспокоюсь не из-за тебя, Кэрн. А из-за того, кто обретёт власть после тебя. И того, кто будет за ним. И того, кто будет после. Короли обладают слишком большой властью. Властью неизбежно злоупотребляют.

Я произнес три слова, которые никогда не думал, что произнесу. — Я отменю это.

— Что? — Эфира вскинула голову.

— Я отменю монархию. — Повторил я, идея укоренилась в моем сознании.

— Я тебе не верю, — сказала она.

Я сделал шаг вперед. — На самом деле я согласен с тобой. Со многим. — Я протянул руку. — Я никогда не хотел быть королем. Клянусь старшими богами. Если ты присоединишься ко мне сейчас, когда корона перейдет ко мне и угроза будет устранена, я отменю монархию.

Она задумалась. Я видел, как она обдумывала это. Взвесила все возможности в своей голове.

Эфира улыбнулась. — Если бы от власти было так легко отказаться.

Я молился всем богам.

— Пожалуйста.

— Возможно, я неправильно тебя оценила, — сказала Эфира. Ее голос был печальным. — Но уже пролито слишком много крови. Даже если бы я не была уже предана, я никогда не смогла бы доверять тебе, так же как и ты никогда не смог бы доверять мне.

Я скрежетнул зубами и уставился в землю. Одна горькая слеза скатилась по моей щеке.

Я потерпел неудачу.

— Схватите его. Не пытайте. Просто быстро убейте его, — приказала Эфира.

Больший демон не двинулся с места, чтобы взять меня за руки. Демон с длинными когтями вытер слезу с моей щеки. Когда она заговорила, ее голос словно вдыхал, слова были густыми и хриплыми.

— Какая изысканная ложь.

Демоны начали смеяться, хихикать и гоготать.

— Что это значит? Что она имеет в виду? — Эфира повернулась к Озре, чье лицо было стоически спокойным. — Убейте его.

Демон погладил меня по голове и удивленно уставился в мои глаза.

Я отшатнулся.

— Он не плачет из-за себя, инфернал. Он плачет по тебе.

Эфира в панике металась из стороны в сторону. Ее стражников схватили и заставили встать на колени.

Озра поднялся со своего трона и спустился вниз.

Они толкнули меня вперед, к нему, в извивающуюся черную массу, когти полосовали мои волосы, мою одежду. Озра подвел меня к трону и протянул руку, приглашая сесть.

— Я же говорил, что это бессмысленно, — сказал он.

Рот Эфиры был открыт от ужаса. — Что ты им пообещал? Что ты, черт возьми, им пообещал?

Огромный демон обвил мою голову скрученной черной лозой в виде насмешливой имитации короны. Я уставился на нее, моя грудь сжалась от горя.

— То же, что и ты.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2535036